

ИСПЫТАНИЕ ВЫБОРАМИ

18.06.95.

62

Доклад Председателя партии “Демократический выбор России” Е.Т.Гайдара
на II (внеочередном) съезде партии

Уважаемые коллеги!

В своем сегодняшнем докладе я хотел бы остановиться на пяти важнейших, как мне кажется, вопросах.

Первое — то, что все равно сегодня не идет из сознания, все равно на первом плане — это ситуация в Буденновске.

Второе — это уроки прошедшего года. Основные итоги этого года для страны и для нашей партии.

Третье — это суть того выбора, который стоит сегодня перед страной.

Четвертое — это логика политических союзов нашей партии.

И пятое — это наши программные приоритеты.

Начну с того, что происходит на Ставрополье. Все происходящее неразрывно связано с той политикой, которая была избрана полгода тому назад для решения чеченского кризиса. Тогда мы многократно говорили, объясняли, вновь говорили и еще раз объясняли — попытка силой решить этот конфликт приведет только к тяжелой террористической и партизанской войне. Там нет военного решения. Война неизбежно дестабилизирует положение в России и приведет к тому, что один народ удастся натравить на другой. Это будет смертельно опасно для России, для ее граждан, для демократии в России. Тогда нам возражали и говорили: террористической войны не будет, партизанской войны не будет — мы ее не допустим. Как “не допустили”, мы видим сегодня своими собственными глазами.

Надо было быть абсолютно некомпетентными во всем, что относится к истории и традициям народа, с которым ты собираешься воевать и который живет на протяжении столетий в со-

седстве и в течение более века в одной стране с нами, чтобы не понять: к чему, к каким абсолютно неизбежным результатам приведет там ставка на силу. На мой взгляд, случившееся в Буденновске никак нельзя вычленять из контекста того, что происходило до этого в Чечне. Сегодня высшие должностные лица государства говорят: вы видите, какие они бандиты. Да, без всякого сомнения, те, кто воюют с женщинами и детьми, бандиты. Но вы что, не понимали, к чему ведете дело? Неужели кто-то мог сомневаться в том, что массированные полугодовые бомбардировки городов и сел Чечни абсолютно неизбежно приведут именно к таким результатам, причем вне зависимости от воли и желания того или другого чеченского лидера или руководителя.

Вчера, после пленума Совета партии, я разговаривал с Сергеем Адамовичем Ковалевым, и он сказал о том, что, на его взгляд, есть возможность переговоров с Басаевым об освобождении заложников. Но абсолютно бессмысленно и безнадежно торговаться с ним, гарантируя свободный проход и много денег. Они не для того сюда пришли. Единственное их условие — это прекращение военных действий в Чечне и начало мирных переговоров.

С огромным трудом мне удалось связаться с высшими должностными лицами государства, в том числе при помощи радио и телевидения. После этого Виктор Степанович Черномырдин разговаривал с Сергеем Адамовичем Ковалевым. Был запущен переговорный процесс. Вы знаете, что в два часа ночи Черномырдин звонил Басаеву и, соответственно, теперь мы отказались, наконец, от логики неучастия в разговорах с террористами, сколько бы жизней ни в чем не по-

винных граждан от этого ни зависело. Сегодня эти переговоры должны быть продолжены. По крайней мере, появились какая-то надежда, какой-то шанс.

В этой связи у меня призыв к тем, кто сегодня присутствует на съезде. Ситуация предельно взрывная, предельно опасная. Я знаю и прекрасно понимаю, какие чувства переполняют многих из вас и по отношению к нынешнему правительству, и по отношению к нынешней власти, которая все это допустила. Но сейчас для нас важнейшая задача — добиться освобождения заложников, убедить власть в конструктивных переговорах.

И поэтому мы немножко скорректируем наше вчерашнее решение. Я бы сказал так, что наша позиция по отношению к правительству сегодня в первую очередь будет зависеть от того, в какой степени оно проявит политическую мудрость и волю к ведению переговоров, результатом которых может и должно стать освобождение заложников. Потом, через несколько дней, мы будем решать тяжелые вопросы, связанные с тем, кто должен конкретно ответить за все это безумие, за всю эту фантастическую безответственность. Сегодня же самое главное — добиться освобождения заложников. И на этом, мне думается, мы должны сосредоточить все наши усилия.

Я думаю, что мы, учитывая ситуацию, не должны давать волю эмоциям и начинать активное обсуждение того, что нужно или не нужно делать сегодня в Буденновске. Мне кажется, так мы должны подходить к ситуации, которая сложилась к сегодняшнему утру.

Теперь переходим к нашим стратегическим, принципиальным, программным вопросам. С I Съезда партии “Демократический выбор России” прошел год. Этот год стал для нас годом нарастающих авторитарных тенденций и в российской политике, и в российском обществе, годом неустойчивой, колеблющейся экономической политики и все-таки, несмотря на огромные просчеты и ошибки власти, слабо, неуверенно, но намечающихся признаков экономической стабилизации и, наконец, годом решительного размежевания партии власти и партии демократии.

Я глубоко убежден в том, что все эти три процесса не случайно соединены вместе в течение одного года, и попытаюсь объяснить, почему я убежден в этом.

Чечня — это ведь не изолированный эпизод на фоне российской политики. Она вся, с нача-

ла 1994 года, все более явно клонилась в сторону ставки на силу, имперскость, авторитаризм. Вспомним основные направления, по которым нам удавалось продвигаться в самом конце 80-х — начале 90-х годов в развитии и укреплении демократии в России.

К началу 90-х осознание того, что насилие как метод решения политических конфликтов неприемлемо, является тупиком и ни к чему не ведет, стало общераспространенным в российском обществе.

Сегодня же наше общество с каждым днем все больше и больше привыкает к тому, что насилие возможно, позволительно, допустимо. Насилие превращается из исключительного, запретного средства в естественный политический инструмент, в том числе и во внутренней политике.

Серьезным завоеванием российской демократии был поворот к демилитаризации российского общества, к тому, чтобы превратить его из общества экономики, живущей для обороны, из общества укрепленного лагеря в общество светское, гражданское, в котором армия — один из подконтрольных ему институтов.

Прошлый год — это постоянно нарастающие тенденции обособления силовых министерств, явные утраты эффективного гражданского контроля за ними, начало ремилитаризации российского общества, принятие удивительных по своей разрушительной силе законов, направленных на увеличение срока службы в Вооруженных Силах, на отмену отсрочек по призыву для выпускников вузов и многих других решений, в значительной степени перечеркивающих все, что было завоевано раньше.

Права человека. Борьба за права человека была знаменем российской демократии на протяжении предшествующих лет. С огромным трудом в наше законодательство удалось ввести ныне существующие инструменты, позволяющие, хотя и не очень эффективно, защитить права личности. Указы президента летом прошлого года, вся практика правоприменительных органов сегодня как бы ставят жирный крест на этих завоеваниях. Через законодательство, через практику все в большей мере реконструируют инструменты и традиции не правового, а авторитарного государства, в котором права человека ничем не защищены и не гарантированы. Многие из вас, приехавшие сюда из регионов, хорошо знают, что все это используется не для борьбы с организованной преступностью, а для сведения по-

литических счетов, вымогательства, страшно деформируют социальную, политическую обстановку во всей России.

И закономерным итогом, а отнюдь не изолированным эпизодом всей этой линии стала ставка на силу в чеченском конфликте, которая привела войну на нашу землю.

На протяжении первых лет российской революции предметом нашей гордости было то, что нам удалось избежать гражданской войны. И вот теперь гражданская война, пусть локальная, — это российская реальность. А локальная гражданская война, и вы сами можете теперь в этом убедиться, элементарно, очень легко перекидывается на другие регионы, перекидывается на Россию.

В то же время в экономике при всех серьезнейших просчетах власти в прошлом году, при том, что экономическая политика весны и лета 1994 года была просто авантюристичной и безответственной и перечеркнула все надежды добиться стабилизации в 1994 году, прослужив прологом резкого всплеска инфляции, все же, намного медленнее, чем могли бы, но уже начинают пробиваться первые ростки экономической стабилизации.

Истекший год в России и в других государствах, формировавшихся на базе Советского Союза, подвел черту под многие споры о том, как можно и как нельзя реформировать отечественную экономику.

Если предельно коротко суммировать итоги, то суть их такова: нам не в чем себя упрекнуть. Страны, которые использовали ту же стратегию по реформированию экономики, за которую мы выступали в 1992—1993 годах, сегодня демонстрируют экономическую стабильность и даже некоторый рост производства. Ну, а там, где пытались опробовать альтернативные — более мягкие и щадящие — модели после краха социализма, сейчас констатируют позорный провал этих попыток.

Сегодня это предмет общего знания, это очевидно. Это понимают даже главные наши оппоненты в 1992—1993 годах. Сегодня не понимать и не замечать этого может только тот, кто не хочет видеть реальности.

Опыт показал, что главной проблемой любых реформ после развала социализма является наличие колебаний, метаний, медлительности и непоследовательности. Что только там, где реформы проводятся целостно, систематично, быстро и решительно, удается добиться максималь-

но высоких результатов, восстановления экономического роста.

Мы дорого заплатили за то, чтобы осознание этого факта стало общим местом для значительной части политической элиты, для всех людей, которые в 1992 году считали все это вычитанными из учебников бреднями.

К сожалению, на своем опыте и ценой наших потерь, лишений и трудностей, ценой огромных социальных бед нашего народа сегодня они прошли эту школу и понимают многое из того, что можно и нужно было понять три года тому назад.

Именно поэтому появились первые надежды на экономическую стабилизацию. Собственно, что произошло на переломе 1994—1995 годов. Правительство и Центральный Банк перестали наращивать чистые внутренние активы, или, проще говоря, перестали печатать ничем не обеспеченные деньги.

И буквально через три месяца в экономике начали происходить те изменения, о неизбежности которых мы давно говорили. Почему-то сегодня все, что происходит на валютном рынке, вызывает панику и непонимание. Что же там делается? Да ничего неожиданного не делается. Мы на протяжении трех лет выпихивали деньги из собственной страны. Облагая граждан и предприятия инфляционным налогом, мы заставляли их вкладывать деньги в доллары. Стоило перестать “портить” свои деньги, как немедленно поток капитала поменял направление. На место огромного, масштабного, массового бегства капитала из страны сначала медленно, ручейком, а теперь все более и более быстро потек огромный поток денег в страну. У нас идет мощный, титанический процесс дедолларизации сбережений сначала банков, потом предприятий, а теперь и населения.

Кстати говоря, это процесс сложный, вызывающий отдельные проблемы, процесс, которым надо уметь управлять и которым, к сожалению, правительство и Центральный Банк из-за того, что они не ждали таких результатов собственной политики, управляли, на мой взгляд, в последние месяцы довольно неумело. И, тем не менее, это тот процесс, который был совершенно неизбежен. Он создает базу для радикального изменения положения в стране.

Я совсем не хочу переходить на технические термины и рассказывать, какие тут возникают проблемы с платежным балансом и динамикой курса, но подумайте по существу, что про-

исходит. У нас из страны уходило только через население 20 миллиардов долларов. Сейчас эти деньги потекли обратно в страну. Куда они пойдут?

Главная проблема для отечественной банковской системы — решить, что делать с этим потоком денег. И ведь совершенно не случайно, что проблема, о которой мы много говорили — как государство будет финансировать свой дефицит бюджета в этом году за счет ГКО, — оказалась автоматически решенной. Проблема сейчас в другом — ставки процентов по ГКО предельно низки. Они не спасают от еще сравнительно высокой инфляции.

Для банковской системы еще вчера вложения в отечественную экономику, в отечественные промышленность, сельское хозяйство были какой-то непонятной авантюрой. Сегодня же, и тем более завтра, это становится жестко заданной необходимостью.

Не вдаваясь еще раз в технические детали, хочу сказать, что, хотя правительство и Центральный Банк делают серьезные ошибки в технике, хотя социальное бремя распределено в нашем обществе предельно несправедливо, хотя у нас есть серьезные замечания к тому, как проводятся реформы, тем не менее, надо признать, что инфляция будет продолжать снижаться, никакого обвала рубля осенью, если, конечно, Центральный Банк и правительство не предпримут каких-то немислимых и глупых действий, не произойдет, процентная ставка будет оставаться низкой, процесс дедолларизации сбережений и притока капитала в страну будет набирать силу, а значит, возникают предпосылки для начала экономического роста в России.

Уже сегодня к числу довольно быстро восстанавливающихся отраслей, таких, как черная металлургия, химическая промышленность, производство минеральных удобрений, присоединяются такие важнейшие отрасли, как жилищное строительство, производство легковых автомобилей. И совершенно очевидно, что, если, еще раз подчеркну, правительство и Центральный Банк не предпримут каких-то немислимых авантюр, ясно, что спектр этих растущих отраслей будет расширяться и в течение нескольких месяцев от экономической стагнации мы сможем перейти к экономическому росту на рыночной основе.

Как это ни странно на первый взгляд, но мне кажется, что это нарастание авторитарных тенденций и медленная, намного более медленная, чем возможно, экономическая стабилиза-

ция в России на базе рынка, частной собственности и капитализма — процессы взаимосвязанные.

Вспомним, в 1991—1994 годах, когда рухнули коммунистический режим и коммунистическая экономика, возникла очень своеобразная, неустойчивая, но заданная логикой общих интересов коалиция. Коалиция, представленная, с одной стороны, наиболее прагматичной частью элиты и российского чиновничества, которая сделала ставку на капитализм и рынок, решив, что так она намного лучше обеспечит собственные позиции и собственный интерес, и с другой стороны — российскими демократами, теми, кто хотел построить в России цивилизованное, развитое капиталистическое общество.

Это была коалиция, может быть, без большой любви и сердечности, где обе стороны понимали серьезное взаимное несогласие и претензии друг к другу. Но до тех пор, пока проблема в целом — состоится ли российский капитализм — была главной и нерешенной, эта коалиция работала.

Решение же этой проблемы вывело на первый план другую, не менее важную и не менее жесткую, альтернативу: какой, собственно, капитализм мы хотим иметь в России?

И здесь размежевание между партией власти или партией российского чиновничества и партиями демократии становится абсолютно неизбежным, потому что оно определяется не конъюнктурными моментами и даже не такой фундаментальной для нашего общества проблемой, как война в Чечне. Она определяется выбором стратегического курса России, образом того общества, за которое мы хотим бороться в нашей стране.

Да, мы реалисты и понимали, что путь из коммунизма после 75 лет без рыночного тоталитарного режима неизбежно лежит через не слишком приятную и не слишком красивую реальность номенклатурного капитализма. Но для нас эта реальность номенклатурного капитализма была лишь неизбежным переходным этапом к совсем другому капитализму — развитому, цивилизованному, рыночному.

А вот для партии власти именно тот капитализм, который есть сегодня, капитализм уродливый, коррумпированный, вороватый, предельно социально несправедливый, и является целью, является образом желаемого, возможного, допустимого, абсолютно приемлемого общества.

В чем суть современного капитализма, если опять же абстрагироваться от эмоций и посмотреть на дело с точки зрения социально-экономических реальностей?

Власть и собственности вроде бы разделены. Существует большой частный сектор, уже доминирующий в экономике. И вместе с тем они тесно, неразрывно переплетены. Существуют сотни способов и каналов, по которым государственная власть позволяет умножать собственность дружественных коммерческих структур и удушить конкурента, — зависить цены, дать льготные кредиты, предоставить выделенные из бюджета средства в распоряжение “своих” коммерсантов. Короче говоря, набор средств, позволяющих перераспределять общественные ресурсы в частные руки, бесконечен.

Отсюда совершенно неизбежные родимые пятна, характерные для нашего общества. Это масштабная коррупция в государственном аппарате и неразрывно связанная с ней организованная преступность, которая всегда — родная сестра коррупции. Это предельная социальная несправедливость в распределении тягот переходного периода, а затем в распределении результатов экономического роста. Это совершенно неизбежные в этой связи острые социальные конфликты и социальная нестабильность. И наконец, эта опора на силу, агрессивность, использование средств подавления для того, чтобы добиться поддержания порядка.

Все это характерные черты номенклатурного капитализма, которые есть сегодня в России, черты, которые обрекают страну на путь в третий мир, если нам не удастся радикально изменить эту реальность. Надо быть честными. Все это вместе совсем не блокирует экономического роста, и со всеми этими родимыми пятнами рынок и капитализм могут генерировать рост, но рост не стабильный, рост, результаты которого всегда несправедливо распределены, рост, который всегда может быть перечеркнут очередной социально-политической катастрофой.

Именно эти черты — питательная среда для партий радикального реванша, делающих ставку на разжигание социальной розни с тем, чтобы на волне общественного недовольства пробиться к власти.

Авангард этих сил сегодня — Коммунистическая партия Российской Федерации. Разумеется, это отнюдь не партия пауперов по своей природе, это часть политической элиты, которая чувствует себя обделенной при распределе-

нии власти и собственности. Они достаточно цинично используют лозунг, принесший коммунистам победу в прошлой революции: “Грабь награбленное”. Именно так переводится на простой русский язык положение: “конфискация неправедно нажитой собственности”. Надо понимать так, что, придя к власти, они будут решать, какая собственность нажита неправедно, а какая праведно, и, видимо, будут отнимать ее у тех, кто нажил “неправедно”, чтобы передать близким структурам, которые нажили ее “праведно”.

Насильственное перераспределение собственности — это всегда огромный социальный конфликт и революция. Это само по себе страшно — ввергнуть Россию в состояние хаоса и гражданской войны. Но надо видеть и другое. Как бы ни были циничны нынешние коммунистические лидеры, как бы ни думали они, что, разжигая социальную рознь, они потом сумеют на крови управлять, история показывает — выпустив джинна из бутылки, очень трудно загнать его обратно.

Вся история коммунистической партии — это история отсеечения наиболее умеренных ее элементов. И, на мой взгляд, придя к власти на лозунге “грабь награбленное”, им будет очень трудно остановиться и не начать масштабного восстановления всех структур тоталитарного общества, что действительно надежно и навсегда закроет России дорогу к экономическому процветанию.

И наконец, третий путь — это развитие России в русле цивилизованной развитой капиталистической рыночной экономики. Мы можем и должны сконцентрировать этот путь не в столетия, не в десятилетия, а в гораздо более короткий срок, как бы это ни было трудно. Современный капитализм — это капитализм мирный, социально справедливый, открывающий широкие возможности предпринимательству, инициативе и, вместе с тем, позволяющий регулировать наиболее острые социальные конфликты и обеспечивать надежную поддержку науке и культуре, образованию и здравоохранению. Именно борьба за этот капитализм — суть той задачи, которую ставит перед собой наша партия, которую можно по праву назвать демократической.

Это путь сообщества процветающих стабильных экономик, путь, который достоин России.

Итак, выбор у нас невелик: стагнация номенклатурного капитализма, новая революция

или постепенные упорядоченные изменения в экономике, позволяющие реконструировать российское общество. Все эти варианты и следует рассматривать, занимаясь выбором стратегии наших политических союзов.

И если мы принимаем эту логику, мы должны понять, что главной угрозой остается сегодня, разумеется, партия реванша. Нет большей угрозы для страны, чем угроза новой революции. Я, как человек, которому выпало принимать участие в руководстве одной из революций, происшедших в России на протяжении XX века (а то, что произошло между 1991 и 1993 годами, без всякого сомнения — революция), могу сказать, что революция — это всегда страшная трагедия.

Мы сейчас только-только начинаем залечивать раны этой трагедии. Россия уже заплатила двумя революциями за попытку установить коммунистический режим, а потом с огромным трудом выйти из этого коммунистического режима. Еще одна революция в России — это самое страшное, что может произойти в нашей стране. Поэтому главная задача — любой ценой не допустить ее прихода. И здесь мы должны взаимодействовать со всеми силами, которые не заинтересованы в революции, вне зависимости от того, нравятся они нам или не нравятся.

Исходя из этого, я убежден, мы и должны строить свою стратегию взаимодействия с партией власти. Мы не можем быть полными единомышленниками, так как у нас категорические расхождения и по частным вопросам, и по поводу того, какую Россию мы хотим иметь в будущем. И, тем не менее, это партия, с которой мы должны взаимодействовать для того, чтобы не допустить революции.

Россия в регионах очень разная. Мы знаем, что есть регионы, где партия власти до отворачивания коррумпирована и, бывает, очень тесно связана идейно как раз с партией реванша. Но есть регионы, в которых власть все-таки проводит реформаторскую политику и, кстати говоря, находится под огромным давлением блока коммунистов и аграриев.

Естественно, мы считали правильным предоставить возможность нашим региональным организациям на месте, исходя из своих условий, определять тактику отношений с партией власти. Убежден, что это правильное решение.

Но стратегическая линия у нас должна быть одна — мы союзники в борьбе за программу-минимум. Ни нам, ни им не нужна революция.

Разумеется, будучи союзниками по этой программе-минимум, мы не можем и не должны скрывать своих стратегических разногласий, мы хотим совсем другой России, и мы совершенно не готовы закрывать глаза на то, что творит нынешняя власть.

И в борьбе за эту другую Россию мы можем и должны быть готовы к союзу с теми политическими силами, которые являются нашими единомышленниками по принципиальным на сегодняшний день вопросам. Не по вопросам, которые будут главными через десять лет, — скажем, какова оптимальная пропорция в стабильной рыночной экономике между налогами и социальными программами. Эта проблема встанет перед нами не скоро, и мы, может быть, разойдемся с нашими потенциальными нынешними союзниками по этому вопросу. Но сегодня, когда одна из главных проблем в России — это борьба за то, чтобы собственность и власть были четко разделены, чтобы государственный аппарат и его работа были прозрачны, чтобы были сформированы мощные антикоррупционные экономические и законодательные механизмы, а также идет борьба за то, чтобы не допустить ремилитаризации российского общества, за сохранение прав человека, за абсолютно необходимое перераспределение социального бремени преобразований и формирование эффективной социальной политики, мы без всякого сомнения можем и готовы быть союзниками широкого спектра демократических организаций с отличающимися от нас во многом долгосрочными идеологическими или экономическими приоритетами.

Именно поэтому я был убежден, что широкий демократический блок, включающий и две сильнейшие на сегодняшний день фракции в парламенте — “Выбор России” и “ЯБЛоко”, был бы полезен российской демократии, несмотря на все наши прошлые и будущие разногласия.

К сожалению, как вы знаете, эта работа не принесла результатов. Я сожалею об этом. Я думаю, что это серьезная ошибка, которую сделали наши потенциальные партнеры. Но жизнь не кончается, все равно, я убежден, логика предвыборной борьбы заставит нас взаимодействовать по крайней мере в регионах при выборах в мажоритарных округах. Именно потому, что убежден в необходимости, благотворности объединения демократов, я поддержал идею формирования объединенного демократического блока, который включил бы в себя широкий круг демо-

кратических организаций, разделяющих принципиальные для нас программные ценности.

Вы знаете, что в пятницу были подписаны документы по созданию такого блока. На первом этапе его подписали несколько организаций. Наша партия — “Демократический выбор России”, “Партия социальной демократии”, которую возглавляет А.Н.Яковлев, “Крестьянская партия” во главе с Ю.Д.Черниченко, Конгресс национальных организаций, движение “Женщины за солидарность” и движение “Военные за демократию”.

Мы сейчас ведем переговоры с движением “Выбор России”, с движением “Демократическая Россия”, надеемся, что и они присоединятся к этому блоку.

Суть вещей, о которых мы договорились.

Прежде всего это, разумеется, создание координационных органов для взаимодействия, диалога в процессе подготовки и ведения избирательной кампании. Это координация наших программных ориентиров и согласование приоритетов.

Мы ведь идем на выборы в Думу. Дума — это орган, принимающий законы. Нам надо в первую очередь договориться о том, какие законы мы считаем необходимыми предложить Думе, за какие законы будем в ней бороться.

Это согласование позиций по мажоритарным округам. И наконец, переговоры о возможности создания единого федерального списка демократического блока.

Переговоры наверняка, как всякие переговоры, будут непростыми. Но главное, на мой взгляд, по возможности скорее начать эту работу и попытаться урегулировать те противоречия и разногласия, которые у нас могут возникнуть.

Я всегда исхожу из того, что легче всего сорвать любые переговоры — для этого ничего не нужно. Для того чтобы привести их к успеху, нужно много усилий, много воли, и тогда возможен результат.

Если съезд поддержит нашу позицию, то мы прямо с понедельника начнем конкретную конструктивную работу, направленную на достижение максимально возможного единства широкой коалиции демократических сил.

И наконец, суть того, с чем, собственно, мы идем на выборы, что мы считаем жизненно необходимым сделать в России для того, чтобы российское общество стало более цивилизованным, более справедливым, более пригодным для нормальной жизни.

Текст предвыборной платформы вам роздан. Мы не предполагаем принимать ее на этом съезде. С ней следует ознакомиться, а потом обсудить в регионах, включив все идеи и предложения, которые будут высказаны членами партии и нашими потенциальными партнерами по блоку, мнение которых тоже необходимо выслушать и учесть.

Я ни в коей мере не собираюсь пересказывать содержание этой платформы. Хотел бы остановиться на некоторых ключевых проблемах, которые должны быть решены.

На мой взгляд, может быть, главное из того, что необходимо сделать в следующие годы, — это провести коренную реорганизацию российского государственного аппарата. Его надо намного сократить. Но даже не в этом суть дела, не это самая главная беда нашего аппарата.

Как человек, возглавлявший правительство и знающий как бы изнутри его работу, я хочу вам сказать, что нынешняя государственная машина России абсолютно непригодна к решению тех задач, которые стоят перед нами в ближайшие годы. В ней по-прежнему существует колоссальное количество звеньев, немыслимо вредных в условиях рыночной экономики, абсолютно неизбежно являющихся рассадниками масштабной коррупции, и вместе с тем нет жизненно необходимых структур, без которых нормальная рыночная экономика как раз не может эффективно работать.

Когда мы пытаемся управлять одинаково, скажем, машиностроением и газовой промышленностью (в машиностроении есть конкурентные отрасли, а газовая промышленность — монополия, где жесткий государственный контроль абсолютно необходим), получается, что мы плодим ненужное количество чиновников, распределяющих неизвестно что в конкурентных отраслях экономики, и создаем абсолютно несправедливую ситуацию в тех отраслях, которыми общество, страна не способна нормально руководить.

Сравнив структуру заработной платы в отраслях народного хозяйства, вы увидите одну железную диспропорцию: быстрее всех она выросла у естественных монополистов. Самая высокая зарплата сейчас — в Газпроме, в электроэнергетике. Когда уборщица на предприятии электроснабжения получает в три раза больше профессора, это яркий пример того, как нельзя организовывать управление государственной экономикой в условиях рынка. Надо понять, что это

не издержки рыночной экономики. Это полная непригодность государства к решению тех задач, которые оно обязано выполнять.

Я не буду останавливаться здесь на всем, что необходимо сделать. Подчеркну несколько моментов.

Механизм государственных закупок. Сегодня его не существует. Сегодня и государство, и государственные монополии распределяют госзаказы абы как. Вот недавно господин Абдулбасиров пришел и сказал, что ему не хватает 26 триллионов на закупки чего-то и нужны какие-то фонды, которые он с удовольствием бы пораспределял. Ну, я себе представляю, как можно пораспределять эти деньги. Я знаю, насколько неэффективной является нынешняя система закупок, насколько широкие возможности для произвола и коррупции она открывает. А ведь не надо изобретать велосипед, весь мир давно отработал антикоррупционные механизмы в этой сфере. Они называются “закупочный кодекс” или тендерные процедуры при всех государственных закупках, производимых естественными монополистами. Введение этих механизмов, как показывает опыт, позволяет снизить цену покупаемого государством имущества на 45—50 процентов, и одновременно это мощнейший фактор борьбы со злоупотреблениями и коррупцией. Почему все это внедряется так медленно, с таким скрипом? Неужели это случайно?

И борьба за формирование таких механизмов, позволяющих резко повысить эффективность государственной машины и перераспределять часть протекающих через государственный карман ресурсов в пользу социальной сферы, без всякого сомнения, один из приоритетов при реформе государственного устройства.

В идеале мы видим государственный аппарат более компактным, прозрачным, не имеющим возможности принимать произвольные решения. Этот аппарат не борется с рынком, а работает в тех сферах, где рынок не может эффективно действовать без государственной поддержки.

Налоговая реформа. Не надо забывать, что нынешняя налоговая система формировалась в 92-м году в условиях экстремального кризиса, когда мы вынуждены были реализовывать задачи кризисного управления и не дать государству, как кораблю, перевернуться и потонуть. Мы отнюдь не считали, что все созданное тогда возможно как долгосрочное решение, как долгосрочный выход. Давно назрела задача серьезной

налоговой реформы в России. Ее основные направления — что необходимо сделать.

Первое — следует резко ограничить круг применяемых налогов. Сегодня сама их множественность (есть регионы, в которых применяются 70—80 видов налогов) — это не способ увеличения доходов государственного бюджета: многие из этих налогов не аккумулируют и тех средств, которые тратятся на их взимание. Это способ запутать ведение дел, предельно усложнить бухгалтерию с тем, чтобы добиться высокого уровня штрафных санкций, на которые до последнего времени и жили налоговая инспекция и налоговая полиция. Резкое ограничение круга применяемых налогов — жесткая необходимость сегодняшней жизни.

Страшная проблема нашей налоговой системы — это безадресные налоговые льготы, которые открывают дорогу масштабному уклонению от уплаты налогов. Реально налоговые льготы сегодня — это налоговые льготы богатым, большей частью занятым в сфере краткосрочных спекулятивных операций. Налоговые льготы сегодня — это то, что делает нашу налоговую систему предельно несправедливой. Борьба за всемерное ограничение безадресных налоговых льгот абсолютно необходима — это достаточная предпосылка серьезного снижения уровня налогообложения. Таким образом, справедливые, равномерные и более низкие налоги — вот вторая компонента налоговой реформы.

Третья компонента — четкие и жесткие гарантии прав налогоплательщиков. Те абсолютно беспредельные возможности бюрократического рэкета и вымогательства, которые до нынешнего времени наше налоговое законодательство открывает перед органами, занимающимися фискальными задачами, сами по себе провокационны. Нельзя давать в руки чиновника возможность по собственному усмотрению ликвидировать любое предприятие, а именно это предусматривает нынешний механизм регулирования налогообложения. Я не буду объяснять, как это делается, думаю, все присутствующие в этом зале хорошо знают. В этой связи мы предлагаем и отстаиваем и будем отстаивать регулирование, которое вводит отношения между налогоплательщиком и налоговыми органами в жесткие правовые рамки и отдает на усмотрение суда, а не чиновника любые разногласия и конфликты между ними, связанные с определением вины налогоплательщика.

Четвертое. Особая система налогообложения

для малого и среднего бизнеса. Речь не идет о каких-то льготах для них, я категорический противник этого, иначе мы просто наплодим множество фиктивных малых предприятий. Речь идет о нормальной системе, в рамках которой они будут платить налоги наравне с другими, но которая будет предельно простой. Надо свести все виды налогов лишь к одному платежу — в процентах от дохода. По нашему убеждению, он должен составлять 10 процентов от оборота соответствующего предприятия без уплаты других налогов. На деле это уже будет огромным вкладом в становление среднего класса России.

Есть еще много вещей, которые могут и должны стать элементами налоговой реформы. Упомяну только одну — кодификацию налогового законодательства. Налоговые отношения должны быть урегулированы налоговым кодексом, а не бесконечным числом произвольно меняющихся налоговых инструкций.

Следующее важнейшее направление — четкие гарантии частной собственности. Надо понять, что сегодня гарантии частной собственности — это не личное дело того или другого предпринимателя, это вопрос будущего России, будущего экономического роста в России.

Будет ли российская экономика динамично развиваться — зависит от местных инвестиций и местных сбережений. Люди будут вкладывать деньги в производство, а не только в спекулятивные операции, если их собственность будет надежно гарантирована. Вся структура нашего права и нашего государственного аппарата на протяжении десятилетий была по своей природе античастной. Еще десять лет назад можно было посадить человека в тюрьму за употребление слов “частная собственность” применительно к реалиям нашей страны.

Эти традиции очень сильны в нашем праве и сейчас, мы боремся в Думе за радикальную реконструкцию и правовой системы, и правовой традиции, и правоприменительной практики. Именно на это был направлен Гражданский кодекс, общую часть которого при поддержке нашей фракции удалось провести и который, наконец, начинает работать, — я это вижу по практическим делам, которые выигрывают уже сегодня на основе Гражданского кодекса.

У нас впереди еще огромная работа. До сих пор не подписан Закон о ценных бумагах, который позволил бы поставить барьер проходцам и обманщикам. До сих пор не принят Закон об акционерных обществах, гарантирующий пра-

ва акционеров, защищающий от того, чтобы их просто не вычеркнули из списков и не сказали, что их здесь никогда не было. До сих пор нам не удается продвинуть Закон о земле в городах. Не принят новый уголовный кодекс, закрывающий многие лазейки для злоупотреблений, крупномасштабного мошенничества, других преступлений против собственности.

Здесь нам предстоит огромная работа для того, чтобы частная собственность в России была надежно гарантирована. От ее успехов в огромной степени зависит то, в какой мере наши собственные, не иностранные, деньги будут вкладываться в нашу же промышленность.

Следующая важнейшая задача — радикальное изменение бюджетных приоритетов.

Мы и в этом, и в прошлом году вели ожесточенную тяжелую борьбу за то, чтобы изменить пропорции бюджета, чтобы сократить в нем расходы на дотации, на управление. Требовали сократить объемы перераспределения ресурсов через Москву, одновременно увеличив финансирование тех социальных сфер, которые нам кажутся стратегически важнейшими для России, — науки, образования, культуры, здравоохранения, помощи малообеспеченным.

Убежден, что все меры, о которых я сказал — реформа российского государственного аппарата, его сокращение, улучшение эффективности государственных закупок, — открывают серьезные возможности реального изменения структуры государства в пользу этих сфер. Экономический рост, в отличие от экономического кризиса, это та ситуация, когда можно всерьез, не демагогически обсуждать проблемы новых социальных программ.

Не буду говорить здесь о приоритетах, но подчеркну, что те затраты, которые до сих пор нам удавалось выбивать для этих сфер, не сопоставимы с деньгами, которые сегодня же уходят в виде разнообразных налоговых льгот и предельно неэффективных государственных расходов.

Нельзя обещать чуда, но можно и нужно бороться за то, чтобы и культура, и наука, и здравоохранение, и образование получили достойную поддержку от Российского государства.

Еще одна серьезнейшая задача — реформа самой социальной сферы, самого бюджетного механизма в этой социальной сфере. Надо понять, что, к сожалению, увеличение бюджетного финансирования этой сферы — необходимая, но не достаточная предпосылка для того, чтобы до-

биться здесь перелома. Нужно серьезно менять практику распределения этих средств. В противном случае они просто будут размазаны тонким слоем и не приведут к серьезному перелому в ситуации.

Приведу один пример — положение в сфере образования. У нас, действительно, если есть что хорошее в России — так это образовательная традиция. Я изучал положение с образованием в других странах и убежден, что возможности России выиграть гонку в XXI веке в гораздо большей степени зависят от уровня нашего образования, чем от того, сколько у нас нефти и газа. И это та сфера, которой необходима поддержка в первую очередь. Но не просто поддержка. Здесь нужно реальное изменение самого механизма финансирования.

Надо переходить от финансирования учреждений к финансированию учеников и студентов. Надо переходить к системе, при которой у родителей есть выбор, в какую школу отдать своего ученика, и в которой школа заинтересована в том, чтобы ученики приходили в нее. Надо переходить к системе, которая одновременно открывает возможность для частного образования, ни в малой степени не сокращая при этом поддержку общественного. Это та система, где распределение бюджета любого уровня начинается не просто с какого-то норматива на образование, а начинается с норматива отчислений на школьника и студента, который автоматически идет в соответствующее образовательное учреждение, если там есть этот школьник и студент.

Я не буду говорить об этом подробно, все это отражено в подготовленном нами проекте изменений Закона об образовании. Есть такие же инициативы по многим другим отраслям социальной сферы — инициативы не на уровне идеи, а инициативы на уровне законодательных актов, которые мы должны провести через эту Государственную Думу или через следующую Государственную Думу. Мы обязаны это сделать для того, чтобы переломить положение в соответствующих сферах.

Еще одна болезнейшая проблема для России — проблема аграрной реформы. Сегодня в Думе идет ожесточенная борьба за то, чтобы отобрать у крестьян даже то немногое, что мы смогли им дать в 1991—1992 гг. — хотя бы формальные права на землю, на земельный надел, право на выход из колхоза с землей и имуществом. Суть тех законов, которые с огромной энергией пробиваются сегодня через Думу, очень проста: это

вторичное закрепощение российского крестьянства. Мы боролись против этого и будем продолжать бороться, так как убеждены, что как в конце XIX века, так и сегодня будущее российской деревни зависит от того, получит ли крестьянин, сельхозпроизводитель возможность свободного труда на своей земле.

Да, без всякого сомнения, нам нужны крупные предприятия в сельском хозяйстве. Вся Россия не будет фермерской никогда — она и не была фермерской. Но обеспечить действительное — не на словах, а на деле — равноправие форм собственности, адекватную поддержку слабому, задавленному, формирующемуся частнособственническому сектору в деревне, резкое изменение всей системы финансовой поддержки сельского хозяйства, чтобы деньги, которые с таким трудом выбиваются из бюджета, не разворовывались, а шли действительно на то, что очень важно для формирования рыночной инфраструктуры села, для стимулирования частных капитальных вложений в переработку и хранение сельскохозяйственной продукции, на формирование финансовой и биржевой инфраструктуры — вот что самое главное.

Я недавно был на Украине. Там уже действует масштабная биржа сельхозпродукции. Огромная часть сельхозоборота идет через эту биржу. Это страшный приговор коррупции, разумеется. Это возможность для крестьян продать свою продукцию, не ожидая потом три месяца оплаты. Это, вместе с тем, возможность резко повысить эффективность механизма государственных закупок. И все это можно было сделать в России три года назад, а пытаются делать лишь в отдельных регионах, в той же самой Самаре. Но вот борьба за то, чтобы это было не сделано, важнейший приоритет наших противников — никогда не допустить формирования рынка сельхозпродукции, потому что этот рынок есть смертный приговор всей распределительной системе, на которой и держатся власть агроначальства и влияние Аграрной партии.

В этой связи серьезная аграрная реформа, которая только и может служить базой динамичного развития российской деревни в XXI веке, важнейший наш приоритет.

Военная реформа. Об этом уже много говорилось, не буду повторяться. Скажу только одно: то, что сейчас происходит в армии, — это попытка заменить реформу чем-то другим. Увеличение срока службы при сохранении всего того огромного хозяйства, какое там есть, в том чис-

ле почти двух десятков разных структур, в которых есть призывные военнослужащие, и огромных управленческих подразделений — это воспроизводство худших проблем для нашей армии, большой и поэтому плохо финансируемой и слабо организованной, армии, в которую именно поэтому матери не хотят отпускать своих сыновей.

У нас есть четкая программа военной реформы. Мы знаем, как ее провести, что нужно сокращать и что оставлять в армии. Конечно, переход к контрактной армии — это не одномоментный процесс, он требует соответствующей большой работы, и, тем не менее, это стратегически та задача, которую мы можем поставить и можем реализовать при последовательной работе.

...Если суммировать все, что я сказал, то, видимо, ясно, что главное, за что мы боремся, — это чтобы российский капитализм стал капитализмом цивилизованным, чтобы это был капитализм растущий, мирный, социально справедливый и поэтому стабильный. Капитализм, который базируется не на авторитаризме, не на принуждении, не на силе карательных механизмов, а основан на воле народа, на массовой его поддержке, на понимании того, что только так и может быть устроено российское общество.

И, завершая доклад, еще буквально об одном моменте. У нас, и это видно было вчера на пленуме Совета партии, что-то странное происходит со словом “патриотизм”. Мы почему-то приняли правила игры, в соответствии с которыми патриоты — это обязательно люди, которые разжигают национальную рознь, готовы втянуть Россию в новые военные авантюры и оттого предельно опасны для нашей страны, которую, видимо, ни в грош не ставят в погоне за собственными политическими амбициями.

Давайте честно скажем: “Мы патриоты!” Потому что мы верим в наш народ. А народ наш достоин демократии — той единственной системы власти, при которой он сам принимает решения. Мы патриоты еще и потому, что верим в то, что российская экономика не навсегда обречена быть нищей на подпорках, что, если мы создадим хотя бы минимально необходимые правовые и экономические предпосылки, наша промышленность сможет на равных побороться с любой другой. Мы патриоты, так как убеждены: российская культура и наука не нуждаются в том, чтобы их поднимали с колен, — они никогда не бывали на коленях, они слишком велики в мире

и не могут быть заменены никакими суррогатами. Мы, наконец, патриоты, потому что верим в то, что из России нынешней, номенклатурно-капиталистической, будет Россия новая, Россия процветающая, Россия стабильная, Россия, одна из самых динамично развивающихся стран XXI века.

Борьба за такую Россию — суть той программы, с которой наша партия идет на выборы. Спасибо.